

12. Он говорил только о «гуманистическом реализме» и, позднее, о зависимости сознания от социальной жизни. Когда Маркс упоминает о «новой материалистической историографии», он имеет в виду скорее метод исследования, чем материальную инфраструктуру общества и его наиболее важной части — исторической реальности. Все это не имеет ни малейшего отношения к «материалистической философии».

13. См. изложение диалектики Маркса в моей книге «Диалектика и социология».

14. См. ниже, часть IV, гл. XII.

15. См. ниже, часть IV, гл. IX.

16. См. ниже, часть IV, гл. X.

17. См. ниже, часть IV, гл. XI.

18. Действительно, велика дистанция от идеологии «сверхчеловека» Ницше, иногда выдвигаемой на первый план, до расизма (признаваемого или непризнаваемого) и глубокого презрения к ближнему, находящемуся ниже в иерархии, или же разновидности нарциссизма, основанного на успехе вследствие исключительной компетентности. Таково одно из проявлений пестрого характера технократической идеологии. Однако, несмотря на все расхождения и маскировки, она всегда глубоко антиэгалитарна и враждебна демократии. Говорить о «либеральной технократии» (как это делают сегодня некоторые во Франции), значит играть словами и оказываться перед противоречием в определении. Технократия, во всех своих формах — это *современное проявление тирании, а смягченная тирания может иногда становиться гораздо более ужасной, чем тирания открытая.*

19. Напомним, что Хайдеггер был назначен ректором Фрейбургского университета под давлением нацистского правительства, после того как заявил о «еврейском характере» феноменологической философии в интерпретации своего учителя, основателя феноменологии Гуссерля. Все его официальные речи этой эпохи полны хвалебных слов в адрес Гитлера; более того, члены его семьи, жена и дети, вступили в нацистскую партию. Тот факт, что затем Хайдеггер отошел от всякой политической деятельности и совершил публичное покаяние в самой своей философии, по-новому сформулированной в “Holzwege”, ничего не меняет в двусмысленном характере как его философии, так и поведения, о чем французская общественность плохо информирована.

Пер. с фр. А.Б. Гофмана

УИЛЬЯМ АЙЗЕК ТОМАС

НЕПРИСПОСОБЛЕННАЯ ДЕВУШКА*

В этой главе классической книги У.А. Томаса «Неприспособленная девушка» дается развернутая формулировка его концепции определения ситуации. Разграничивая индивидуальные и социальные определения ситуации, Томас уделяет первостепенное внимание последним. В этой связи он рассматривает роль семьи и сообщества в определении ситуации для индивида. Теоретический анализ обильно иллюстрируется личными документами. В завершении главы Томас констатирует, что в современных условиях происходит крушение старых форм социального регулирования поведения через семью и сообщество.

In this chapter of his classical work, “The Unadjusted girl”, W.I. Thomas offers the elaborated formulation of his concept of the definition of the situation. While making distinction between individual and social definitions of situations he focuses attention on the latter. In this connection

Гофман Александр Бенционович — доктор социологических наук, профессор, профессор социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: a-gofman@yandex.ru.

* Thomas W.I. The Unadjusted Girl: With Cases and Standpoint for Behavior Analysis // Criminal Science Monographs. № 4. N.-Y., 1923. P. 41-69.

he considers the contributions of family and community in making definition of the situation for a person. The theoretical analysis is illustrated abundantly by various personal documents. In a conclusion of the chapter Thomas maintains that contemporary conditions are characterized by a breakdown of the earlier familial and communal forms of the regulation of a human behavior.

Ключевые слова: *определение ситуации, желания, социальное регулирование желаний, моральный кодекс, установки, семья, сообщество, сплетни.*

Keywords: *definition of the situation, wishes, social regulation of the wishes, moral code, attitudes, family, community, gossip.*

Глава II. Регулирование желаний

Одной из важнейших способностей, приобретенных в ходе эволюции животной жизни, является способность принимать решения изнутри вместо подчинения навязанным извне. Низшие формы жизни не принимают решений в том смысле, в каком мы их понимаем; их приводят в движение химические вещества, тепло, свет и т.д., подобно тому как железные стружки притягиваются или отталкиваются магнитом. Они предрасположены вести себя сообразно условиям — группа мелких рачков будет спасаться бегством, словно в панике, если поместить в бассейн кусочек стрихнина, и бросаться к оказавшейся в нем капельке крови, подобно свиньям, собирающимся толпой вокруг поила, — но это выражение органической тяги к одному веществу и отвращения к другому, а не выражение выбора или «свободной воли». Есть, так сказать, правила поведения, но они являют собой удачное механическое приспособление организма к типически повторяющимся ситуациям, и изменить эти правила организм не может.

В свою очередь, у высших животных и, прежде всего, у человека есть способность отказываться подчиняться стимуляции, на поводу у которой они шли раньше. Реакция на прежнюю стимуляцию могла иметь мучительные последствия, и потому правило, или привычка, в этой ситуации изменяется. Эту способность мы называем способностью торможения, и жидется она на том, что нервная система хранит воспоминания, или записи прошлых опытов. В этой точке детерминация действия уже не идет исключительно от внешних источников, а локализуется внутри самого организма.

Самодетерминированному акту поведения всегда предшествует стадия обследования и обдумывания, которую мы можем назвать *определением ситуации*. От определения ситуации зависят не только конкретные акты; по ходу дела вся жизненная стратегия и личность самого индивида начинают вытекать из серии таких определений.

Между тем ребенок всегда рождается в группе людей, в которой уже определены все общие типы ситуаций, могущие возникнуть, и выработаны соответствующие правила поведения, и в ней у него нет ни малейшего шанса создавать собственные определения и беспрепятственно следовать на поводу своих желаний. Люди всегда жили вместе, группами. Свойственен ли человеку настоящий стадный инстинкт или группы удерживают единство потому, что их членам это выгодно, не имеет значения. Разумеется, желания в общем и целом таковы, что могут быть удовлетворены только в обществе. Но стоит заглянуть, скажем, в уголовный кодекс, и сразу станет видно, сколь многими путями желания индивида могут входить в конфликт с желаниями общества. А ведь уголовный кодекс не учитывает множество несанкционированных выражений желаний, которые общество пытается регулировать убеждением и сплетнями.

Следовательно, всегда возникает соперничество между спонтанными определениями ситуации, производимыми членом организованного общества, и теми определениями, которые его общество ему предоставило. Индивид тяготеет к гедонистическому отбору деятельности, прежде всего к удовольствию; общество — к утилитарному отбору, прежде всего к безопасности. Общество желает, чтобы его члены были трудолюбивыми, надежными, предсказуемыми, здравомыслящими, дисциплинированными и жертвенными; а индивид желает меньше всего этого и больше нового опыта. Организованное общество стремится также регулировать конфликт и конкуренцию, неизбежно возникающие между его членами в процессе их погони за исполнением своих желаний. Так, желание разбогатеть или любое другое социально санкционированное желание нельзя осуществлять в ущерб другому члену общества — убийством, кражей, ложью, мошенничеством, шантажом, вымогательством и т.п.

Именно в этой связи возникает моральный кодекс. Он представляет собой свод правил, или поведенческих норм, регулирующих выражение желаний, и выстраивается путем последовательных определений ситуации. На практике сначала возникает злоупотребление; затем формируется правило с целью предупредить его повторение. Таким образом, нравственность — это общепринятое определение ситуации, и неважно, выражается ли оно в общественном мнении и неписаном законе, в формальном правовом кодексе или в религиозных заповедях и запретах.

Семья — наименьшая социальная единица и первичная определяющая инстанция. Как только ребенок обретает свободу движения и начинает что-то таскать, рвать, ломать, всюду совать свой нос и лазить в неположенные места, родители начинают определять для него ситуацию через речь и другие знаки и давления: «молчи», «сиди смирно», «высморкайся», «пойди умойся», «слушайся мать», «не обижай сестренку» и т.д. Таков реальный смысл слов Вордсворта: «И начинают над дитем растущим смыкаться сводом призраки тюрьмы». Желания и деятельности ребенка начинают сдерживаться, и постепенно — через определения, даваемые внутри семьи, товарищами по играм, в школе, воскресной школе, сообществе, через чтение, формальное наставление и неформальные знаки одобрения и порицания — подрастающий член узнает кодекс своего общества.

Вдобавок к семье, у нас есть еще такая определяющая инстанция, как сообщество. В настоящее время сообщество стало столь слабым и размытым, что мы, глядя на него, даже не представляем, насколько велика была власть локального сообщества в регуляции поведения в прошлом. Первоначально сообщество представляло для своих членов практически весь мир. Оно состояло из семей, связанных друг с другом кровными узами и браком, и было не настолько велико, чтобы его члены не могли собраться все вместе; оно было группой лицом-к-лицу. Я спросил одного польского крестьянина, где располагается «*околица*», или граница, соседства, насколько далеко оно простирается. «Оно, — ответил он, — простирается дотоле, доколе доходят вести о человеке, дотоле, доколе о нем говорят». Именно в сообществах этого типа зародился моральный кодекс, который мы признаем ныне как действенный. Обычай сообщества — это «народные обычаи»; государство и церковь в основном признали эти народные обычаи и инкорпорировали их в свои более формальные кодексы.

Типичное сообщество исчезает, и восстанавливать его в былой форме и невозможно, и нежелательно. Оно не согласуется с нынешним направлением социальной

эволюции; жизнь в этом состоянии сегодня была бы угнетающей. Но что касается непосредственности связей и участия каждого во всем, то в этом аспекте общество представляет элемент, который мы потеряли, и нам, вероятно, придется восстановить его в той или иной форме сотрудничества — как аранжировку, соответствующую человеческой природе, — если мы хотим обеспечить сбалансированное и нормальное общество.

Простейшие примеры определения ситуации сообществом в целом, соответствующие действию толпы, как мы его знаем, и нашим судам присяжных, обнаруживаются у европейских крестьян. Три нижеприведенных документа, относящихся к русской общине, или *миру*, дают некоторое представление о тех условиях, при которых сообщество, или общественность в целом, прежде определяло ситуацию.

25. «Мы, люди, не привыкшие к крестьянской речи, манере и способу выражения мыслей, мимике, присутствуя при каком-нибудь разделе земли или каком-нибудь расчете между крестьянами, никогда ничего не поймем. Слыша отрывочные, бессвязные восклицания, бесконечные споры с повторением одного какого-нибудь слова, слыша это галдение, по-видимому, бестолковой, кричащей, считающей или измеряющей толпы, подумаем, что тут и век не сочтутся, век не придут к какому-нибудь результату. Между тем подождите конца и вы увидите, что раздел произведен математически точно — и мера, и качество почвы, и уклон поля, и расстояние от усадьбы, все принято в расчет, что счет сведен верно и, главное, каждый из присутствующих, заинтересованных в деле людей, убежден в верности раздела или счета. Крик, шум, галдение не прекращаются до тех пор, пока есть *хоть один* сомневающийся.

То же самое и при обсуждении миром какого-нибудь вопроса. Нет ни речей, ни дебатов, ни подачи голосов. Кричат, шумят, ругаются — вот подерутся, кажется, галдят самым, по-видимому, бестолковейшим образом. Другой молчит, молчит, а там вдруг вернет слово — одно только слово, восклицание, — и этим словом, этим восклицанием, перевернет все вверх дном. В конце концов, смотришь, постановлено превосходнейшее решение и опять-таки, главное, решение единогласное» (см. прим. 1).

26. «Когда я прибежал в деревню, над ней висела такая забористая, вычурная и крутая брань, что никакой благовоспитанный парламент не согласился бы признать себя, даже в отвлеченном принципе, аналогичным с этим сборищем мужицких депутатов. Сходка была нынче, видимо, полная... Если я и на более спокойных сходках очень немного мог сообразить, то теперь и подавно; я ощущал только безразличный сплошной гул в ушах, иногда покрываемый особенно резко вырвавшейся из общего гула фразой. Но я видел пред собой непосредственного человека, во всей своей красоте. Прежде всего меня поразила замечательная откровенность непосредственного человека; чем он непосредственнее, тем меньше в состоянии маскировать свои мысли и ощущения; раз овладело им возбуждение, оно охватывает его быстро, и он уж тут весь загорается и не потухает до тех пор, пока не выпллет пред вами все достояние своей души; он тут ни пред кем не стесняется; тут нет и признака дипломатии. Мало того, что он раскроет здесь всю свою душу, он еще расскажет и про вас все, что только когда-либо знал, и не только про вас, но и про вашего отца, деда, прадеда... Здесь все идет начистоту, все становится ребром; если кто-либо по малодушью или из расчета вздумает отделаться умолчанием, его безжалостно выведут на свежую воду. Да и малодушных этих на особенно важных сходках бывает очень мало.

Я видал самых смиренных, самых безответных мужиков, которые, в другое время, слова не заикнутся сказать против кого-нибудь, — на сходах, в минуты общего возбуждения, совершенно преображались и, веруя пословице “на людях и смерть красна”, набирались такой храбрости, что успевали перещеголять заведомо храбрых мужиков. В минуты своего апогея сход делается просто открытой взаимной исповедью и взаимным разоблачением, проявлением самой широкой гласности. В эти же минуты, *когда, по-видимому, частные интересы каждого достигают высшей степени напряженности, в свою очередь, общественные интересы и справедливость достигают высшей степени контроля*» (см. прим. 2).

27. «Перед зданием волостного управления стоит толпа, примерно 150 человек. Это значит, что собран волостной сход, чтобы рассмотреть решение Кузьминской сельской общины “касательно выдачи [государственным] властям крестьянина Григория Седова, схваченного на месте преступления и признанного виновным в конокрадстве”. Седов уже содержался под стражей для проведения расследования; свидетельства против него были неопровержимыми, и он, несомненно, подлежал тюремному заключению. В виду этого я попытался объяснить, что решение об отправлении его в ссылку совершенно излишне и лишь вызовет затруднения, что по завершении срока тюремного заключения Седова к общине наверняка обратятся с вопросом, желает ли она принять его обратно или предпочитает, чтобы он оставался в ссылке. И затем, сказал я, в любом случае необходимо будет сформулировать решение о “непринятии” Седова, тогда как на этом этапе все эти трудности преждевременны и, скорее всего, ни к чему не приведут. Но сход не внял моим словам, не верил суду и хотел решить дело прямо на месте; общая ненависть к конокрадам была слишком острой...

Наступил решающий момент; староста “отводит” всех избранных судей на одну сторону; толпа стоит в угрюмом настроении, стараясь не смотреть на Седова и его жену, которые стоят на коленях перед миром. “Старики, если кто жалеет Григория, то пусть останется там, где стоит, а если кто не прощает его, то пусть переходит направо”, — выкрикивает староста. Толпа всколыхнулась и вздрогнула, но все так и остались стоять на месте; никто не осмелился первым сделать роковой шаг. Григорий лихорадочно метался глазами по лицам своих судей, пытаясь прочесть в этих лицах жалость к нему. Его жена горько рыдала, склонившись лицом почти до земли; рядом с ней, положив в рот палец и готовый вот-вот захныкать, стоял трехлетний мальчик (в доме у Григория оставалось еще четверо детей)... Вдруг один крестьянин выходит из толпы; кто-то два года назад украл у него лошадь. “А чего его жалеть? Он нас жалел?” — произносит старик и, сгорбившись, переходит на правую сторону. “Верно, сорняки с поля нужно выдергивать”, — говорит из толпы еще кто-то и идет вслед за стариком. Начало было положено. Сначала поодиночке, а потом целыми группами избранные судьи стали переходить направо. Мужчины, осужденный общественным мнением, уткнулся головой в землю, бил кулаками в грудь, хватал проходящих мимо за полы пальто, крича: “Иван Тимофеич, дядя Лександр, Васенька, дорогие родичи! Погодите, родные, дайте слово сказать... Петрушенька!” Но не останавливаясь, с суровыми лицами, члены мира обходили несчастных, ползающих у их ног... Наконец причитания Григория затихли; на три сажени вокруг него никого не было; не к кому было больше взывать. Все избранные судьи, кроме одного, дяди мужчины, которому грозила ссылка, перешли на правую сторону. Женщина горько

плакала, а Григорий недвижно стоял на коленях, со склоненной головой, тупо уставившись в землю» (см. прим. 3).

Существенным моментом в достижении общего решения сообщества, как и в случае нашей судебной системы, является единодушие. В некоторых случаях все сообщество мобилизуется вокруг неподатливого индивида, дабы привести его в соответствие с общим желанием.

28. «Иногда случается, что с чем-то согласны все, кроме одного, но решение так и не принимается, если этот одиночка отказывается с ним согласиться. В таких случаях все силы направляются на то, чтобы уговорить и убедить упряма. Часто даже призывают на помощь его жену, детей, родственников, тестя и мать, рассчитывая на то, что они убедят его сказать «да». Тогда все над ним подтрунивают, то и дело приговаривая: “Ну, Бог тебе в помощь, согласишься же, наконец, и с нами, чтобы было так, как мы хотим, чтобы в дом не пришел разлад, чтобы люди о нас не судачили, чтобы соседи об этом не слышали, чтобы весь мир над нами не потешался”. В таких случаях редко оказывается, чтобы единодушие не было достигнуто» (см. прим. 4).

Менее формальным, но не менее действенным средством определения ситуации, которым пользуется сообщество, являются сплетни. Утверждение польского крестьянина, что сообщество простирается до тех пор, пока о человеке говорят, было значимым, ведь сообщество регулирует поведение своих членов, главным образом говоря о них. Сплетни пользуются дурной славой, поскольку иногда бывают злобными и ложными и предназначаются для повышения статуса сплетника и принижения их объекта, но в основном сплетни истинны и являются организующей силой. Это способ определения ситуации для данного случая и, соответственно, вынесения похвалы или порицания. Это одно из средств, с помощью которых фиксируется статус индивида и его семьи.

Вдобавок к тому, сообщество, особенно в связи со сплетнями, знает, как покрыть позором людей и их поступки с помощью эпитетов, являющихся одновременно короткими и эмоциональными определениями ситуации. Это такие эпитеты, как «ублюдок», «шлюха», «предатель», «трус», «подонок», «дрянь», «сноб», «жадина» и т.д. В «Фаусте» сообщество говорило о Маргарите: «От нее воняет». Здесь люди применяют механизм, известный в психологии как «условный рефлекс». Например, если перед полугодовалым ребенком поместить привлекательный объект — скажем, котенка — и в это самое мгновение его ущипнуть, а затем повторить это еще несколько раз, то ребенок при виде котенка сразу будет плакать, уже без всяких щипков; если кому-то, накрывая стол, всегда класть рядом с тарелкой супа дохлую крысу, то он, в конце концов, приобретет отвращение к супу, даже если рядом с ним больше ничего не класть. Если в людской молве с Маргаритой связалось слово «воняет», Маргарита уже никогда не будет благоухать. Много дурных последствий, как утверждают психоаналитики, возникает в результате того, что сексуальная жизнь в полном ее объеме превращена в «грязную» тему, но особенно могущественно и где-то даже парализующе этот механизм повлиял на сексуальное поведение женщин.

Перемигивание, пожимание плечами, подталкивание локтем, ухмылки, гримасы, надменность, холодность, «смеривание взглядом» — это тоже язык, определяющий ситуации и болезненно переживаемый как неблагоприятное признание. Например, кислая гримаса указывает на приближающуюся рвоту и означает «меня от тебя тошнит».

Со временем нарушение кодекса — даже в действии, которое само по себе ничего не значит, как, например, в поднесении пищи ко рту с помощью ножа, — начинает провоцировать осуждение и отвращение. Как инструмент для поднесения пищи ко рту вилка ничем не лучше ножа, по крайней мере не имеет перед ним никакого морального превосходства, однако ситуация была определена в пользу вилки. У нас причмокивать губами во время еды — дурная манера, но индеец логичнее определил ситуацию противоположным образом: у него причмокивание — комплимент хозяину.

В связи со всем этим группа использует страх для производства в своих членах желаемых установок. Используется и похвала, но в умеренных дозах. И вся эта совокупность привычек и эмоций является продуктом сообщества и семьи настолько, что порицание и исключение оказываются невыносимыми. Следующий случай показывает, в какой мучительной ситуации оказывается девушка, потерявшая свое место в семье и сообществе.

29. «Я молодая женщина, мне около 20 лет. Сама родилась в Америке, но родители приехали из Венгрии. Они очень религиозны... Когда мне было 14 лет, я познакомилась в школе с мальчиком-гоем, родители у него немцы. Это был очень хороший и достойный мальчик. Мне нравилась его компания... и мы близко подружились. Наша дружба длилась несколько лет; мои родители ничего об этом не знали. Я не хотела им ничего говорить, так как хорошо знала, что они не позволят мне дружить с гоем.

Когда мы выросли, дружба переросла в горячую любовь, и год назад мы решили пожениться — без согласия моих родителей, конечно. Я надеялась, что после свадьбы они простят мне, что я вышла замуж за молодого человека из неевреев, но вышло все ровным счетом наоборот. Мои религиозные родители преисполнились презрения, когда узнали о моем тайном замужестве, и не только не простили меня, но и выгнали из дома, сообщив напоследок, что не желают отныне иметь со мной никакого дела.

Вдобавок к этой беде, меня теперь презирает мой друг, мой любимый, мое все — мой муж. После свадьбы он стал другим человеком, начал пить, играть в азартные игры, называть меня самыми похабными именами. Он все время спрашивал, зачем он женился на “этой чертовой еврейке”, как будто бы я была одна в этом виновата. До свадьбы я была для него лучшей девушкой в мире, а теперь он готов меня утопить, лишь бы только от меня избавиться. Хорошо еще, что у меня пока нет ребенка.

Родители мужа ненавидят меня еще больше, чем он сам; как меня вышвырнули из дома за то, что вышла замуж за гою, так и ему родители указали на дверь, узнав, что он женился на еврейке.

Несколько месяцев назад муж от меня ушел, и я понятия не имею, где он теперь. Я оказалась в ужасной ситуации. Собственная родня и родственники мужа меня презирают, я чувствую себя очень одиноко, и мне не с кем поделиться своими проблемами.

Я хочу, чтобы вы посоветовали, как мне найти моего мужа. Я не хочу жить с ним против воли и не прошу от него никакой поддержки; я работаю на заводе и сама могу себя прокормить. Я только прошу его помощи в оформлении развода, чтобы я могла вернуться к моему народу, моему Богу и моим родителям. Я не могу выдержать одиночества, и я не хочу, чтобы все меня ненавидели, отвергали и презирали. Мое одиночество быстро сведет меня в могилу.

Наверное, вы сможете сказать мне, как избавиться от этого несчастья. Поверьте, я никого не упрекаю в том, что со мной произошло; все это от моего неведения. Я никогда не думала, что выйти замуж за нееврея — такое уж ужасное преступление и что родители ни при каких обстоятельствах меня не простят. Я готова сделать все что угодно, принести любую жертву, только бы с меня было снято это ужасное проклятие» (см. прим. 5).

Автор следующего текста — не отец девушки, только что рассказавшей свою историю, но вполне мог бы им быть. Его слова показывают силу семьи и обычаев сообщества в определении эмоциональных установок.

30. «[Моя дочь вышла замуж за итальянца, очень хорошего человека]... Трагедия моя тем больше, что я человек свободомыслящий. Теоретически, я считаю “гоя” [нееврея] таким же человеком, как и еврей... И я спрашиваю себя: “Что случилось бы, если бы моя дочь вышла замуж за еврея, а он бы оказался человеком никчемным?... И какое мне дело до того, что он итальянец?” Но, видимо, я не могу ответить на эти деликатные вопросы. Факт в том, что я предпочел бы рафинированного человека; но выбрал бы скорее простого еврея, а не образованного гою. Почему так, я не знаю. Но так уж оно есть, и в этом нет никакого сомнения. Все это показывает, насколько велика пропасть между теорией и практикой!» (см. прим. 6).

Тенденция сообществ и семей столь детально регулировать поведение всех своих членов оправдывалась тем фактом, что в случае нищеты, болезни, смерти, опустошения или полного крушения сообщество или семья брали на себя бремя, или, как говорилось, «впрягались в ярмо». В случае № 31 бывшие члены сообщества все еще поддерживают брошенного ребенка, хотя сами находятся в Америке, а ребенок — в Европе.

31. «В 1912 г. в одной небольшой [российской] деревне отец бросил семью — жену и троих детей. Двое из детей были девочки, третий — шестимесячный мальчик. Дети для матери были обузой, и она в конце концов в отчаянии сменила веру и вышла замуж за христианина из соседней деревни. Детей она попросту бросила.

Деревенская община, в которой это произошло, разумеется, взяла трех покинутых детей под свою опеку. Их передали на воспитание в семьи, и деревня ежемесячно за них платила. Моя мать не была богачкой и нуждалась в деньгах, а потому взяла мальчика, за которого платила община.

Несколько лет все шло хорошо, пока не началась великая Мировая Война. Деревня, о которой идет речь, была разорена войной и бесчинствующими бандами погромщиков. Много евреев погибло, сообщество было разрушено.

Моя мать больше не получала ежемесячную плату за ребенка, так как некому было платить. Но она не была настолько бессердечной, чтобы выбросить бедное дитя на улицу. Они привязались друг к другу: ребенок к моей матери, которую он называл “мамой”, и она к ребенку. Так что моя мать содержала его бесплатно. То есть они вместе голодали и вместе переносили лишения. Теперь, уважаемый редактор, я перехожу к сути дела.

Семью автора этих строк разбросало по всему свету. Отец мой умер на родине. Я с двумя сестрами теперь в Америке. Моя мать с этим ребенком так и живут в старом доме. Конечно, мы посылаем матери деньги, чтобы хоть как-то ей помочь, а это значит, что мы поддерживаем не только свою мать, но и ребенка чужих людей. Но у нас здесь, в Америке, никогда даже мысли не возникало о том, чтобы упрекнуть мать за то, что мы вынуждены посылать деньги на чужого ребенка.

Напротив, мы понимаем, что наш долг — не вести себя как убийцы по отношению к невинной и беспомощной жертве нынешних социальных условий, которую судьба к нам забросила. Однако верно и следующее:

Мы слышали, что отец ребенка живет сейчас в Америке, где-то около Нью-Йорка, и что он очень богат. А потому мы думаем, что было бы совершенно правильно, если бы отец этого ребенка снял бремя с нас, чужих людей, и поддерживал собственного ребенка сам. Скажу прямо: я и обе мои сестры — простые рабочие люди. Каждый цент, который мы зарабатываем, дается нам тяжелым трудом. Поэтому я призываю отца подопечного нашей матери взять на себя ответственность за своего ребенка, ибо это, несомненно, его долг» (см. прим. 7).

Насколько возможно, семья улаживает свои дела внутри, не обращаясь к сообществу и тем самым оберегая себя от сплетен. Ситуации, возникающие внутри семьи, когда между ее членами нет согласия и проявляется конфликт желаний, определяются через доводы, распоряжения и запреты, увещевания, укоры, мольбы, обиды, слезы и побои. Последнее средство, к которому член семьи может прибегнуть, — спровоцировать сплетни, воззвать к сообществу. В случае № 32 женщина публично определяет ситуацию для бросившего ее мужа. Она делает это очень тактично, используя все искусство, ненавязчивые напоминания и все свое понимание, чтобы побудить его к возвращению. Она желает избежать публичного скандала, напоминает ему о тех благородных признаниях, которые он всегда делал как муж и отец, изображает горюющих детей и себя, стыдящуюся открыть им всю правду; она верит, что в глубине души он хороший человек, всего лишь подавшийся минутной слабости или переживший временную потерю рассудка (так она говорит). Вдобавок еще и могущественная газета, через которую она ищет публичности, определит ситуацию для заблудшего мужа. Предполагается, что он вернется.

32. «Настоятельно прошу вас написать несколько слов моему мужу. Он высококого мнения об ответах, которые вы публикуете в рубрике “*Bintel Brief*”, и я надеюсь, что ваши слова благотворно повлияют на него и нам удастся избежать публичного скандала. Пока я удерживаю свои проблемы в тайне, но если дела пойдут плохо, мне придется обратиться к людям за помощью. Скажу, что нам с мужем всегда хорошо жилось вместе. Он всегда осуждал самыми строгими словами тех отцов, которые бросают своих детей на произвол судьбы. “Дети, — говорил он, — невинны, и мы должны заботиться о том, чтобы не сделать их несчастными”. Именно так он всегда и говорил. Но теперь он сам сделал то, что всегда осуждал и считал величайшей подлостью.

Прошлой ночью, прежде чем уйти, муж поцеловал младшую дочку, и теперь она места себе не находит, скучая по нему. Старшая все время спрашивает: “Когда вернется папа?” Я совершенно раздавлена несчастьем, которое неожиданно на меня обрушилось.

Уважаемый редактор, я ни в малейшей мере не сомневаюсь в великодушии моего мужа. Возможно, он на какое-то время потерял рассудок, но он не испорченный человек. Я почти уверена, что он, прочтя мое письмо, придет в чувство и поступит так, как должен поступить мужчина и достойный человек. Умоляю, напечатайте мое письмо как можно скорее, помогите восстановить разрушенную семью» (см. прим. 8).

В противоположность этому мы имеем механизм публичной исповеди, определенной ситуации в терминах самоосуждения. Ниже следует публичное извинение, в котором жена публично возвышает своего оскорбленного мужа и ищет примирения.

33. «Я сама постыдным образом довела моего доброго и верного мужа и свалила вину на него, а он, хотя и сердится, достойный человек и никому ничего не говорит. Он все берет на себя. Все мои друзья и знакомые думают, что и в самом деле виноват он.

Я была замужем за ним одиннадцать лет, и, если не брать последние два года, все время думала, что надо бы как-то мирно с этим покончить, хотя постоянно провоцировала ссоры... У меня острый и едкий язык... Муж всегда меня прощал. Много раз он плакал, и неделя-две проходили спокойно. А потом я опять не могла сдержаться. Очень часто я начинала выходить из себя за столом; тогда он вставал, ушел из дома и шел в ресторан. Когда он возвращался, ему еще от меня доставалось. И из-за такого моего поведения муж стал грубо со мной обращаться...

В это время мы попытались завести свой бизнес... и по некоторым причинам муж записал все на мое имя; я была владелицей всего, что у него было. После этого я стала еще больше им помыкать, и когда он видел, что не может ничего со мной сделать, он просто прекращал со мной разговаривать.

Я делала все, чтобы опорочить его имя. А теперь меня гложет совесть, когда я вижу трех неприкаянных сирот, слоняющихся где попало. Разве не лучше бы было, если бы сообщество запретило мне выходить замуж, чтобы избежать такой семейной трагедии?

Я по природе змея подколодная, и моей вины в этом нет; такая уж я уродилась. Мои друзья и подруги встречаются с ним и говорят мне, что он не произносит ни слова о нашей трагедии. Он говорит: «Я делаю все что могу, и когда у меня появится возможность дать детям кров, я о них позабочусь». И я боюсь, что однажды он забрет у меня детей, и тогда я останусь совсем одна, как перст посреди пустыни» (см. прим. 9).

Священники в Польше говорят, что в случае, когда задействованы все влиятельные силы сообщества — семья, священник, друзья и соседи, — плохих людей непременно будет немного. Они говорят также, что общины обычно бывают либо полностью хорошими, либо полностью плохими, в зависимости от того, каково большинство. Если община хорошая, священник обрушивает с алтаря громы и молнии на мельчайшие проявления скверны; а если она уже плохая, он хвалит и поощряет малейшие проявления добродетели. Изучая переписку между американскими иммигрантами и их родными общинами, я заметил, что семья и сообщество очень озабочены тем, чтобы отсутствующий их член не изменился. Отсутствия и возникающего отсюда внешнего влияния страшатся, поскольку они могут сказаться на солидарности группы. Поэтому типичное письмо иммигранта оказывается уверением и напоминанием о том, что автор, хотя и отсутствует, все еще остается членом сообщества. В доме одной крестьянской семьи в Польше я нашел следующее письмо. Оно было прислано из Чикаго и написано на бумаге отеля «Палмер Хаус». Написавшая его девушка работала в этом отеле горничной. Она была малообразованной, едва умела читать и писать. В письме не было заглавных букв, и полностью отсутствовала пунктуация. Оно было адресовано девушке, которая не умела писать вообще. Письмо читали все соседи. Никому и в голову не приходило, что письмо частное. Письмо открывается словами «Слава Иисусу Христу»; ожидается, что читатель или слушатель на них ответит. Далее следует «Во веки веков! Аминь» — традиционная форма, выражающая общее членство в религиозно-социальной общине. Прощания в конце должны быть достаточно полными, чтобы воздать должное каждой семье,

которую следует упомянуть. Присылка денег – практический знак членства в сообществе. Стихотворное и образное письмо – способ участия находящейся вдали девушки в социальных собраниях (social gatherings) сообщества, внесения своей лепты в общинные празднества, на которых сочиняются и декламируются стихи. Она пишет как можно красивее (в меру своих способностей), чтобы заслужить признание. Для удобства польских иммигрантов канцелярская фирма поставляет даже писчую бумагу с уже отпечатанными приветствиями и заверениями, оставляя свободные места для вписывания имен и содержательной информации.

34. «Я начинаю это письмо словами: “Слава Иисусу Христу”, – и я надеюсь, что ты ответишь: “Во веки веков, аминь”.

Дражайшая моя Олейничка: Я поздравляю тебя от всего сердца и желаю тебе здоровья и счастья. Бог даст, это письмецо долетит до тебя благополучно и счастливо, как птички в мае. Этого я желаю тебе от всего моего сердца, дорогая Олейничка.

Дождик идет, и мне скользко оттого.

Но мне все равно; до почты недалеко.

Когда это письмецо допишу,

Вместе с ним вдаль улечу,

И потом, дорогая Олейничка,

Мне на сердце будет легко, потому что тебе будет приятно.

Ни в каких рощах птицы не поют так сладко,

Как мое сердце, дражайшая Олейничка, поет для тебя.

Лети, письмецо, за широкое море, раз уж я к тебе зайти не могу. Когда я встала утром, я посмотрела на небо и подумала про себя, что тебе, дражайшая Олейничка, небольшое письмецо я должна послать.

Дражайшая Олейничка, я покинула папу, покинула сестру с братом и тебя, чтобы начать новую жизнь в широком мире, и сегодня я тоскую и угаваю, как мир без солнца.

Если я когда-нибудь еще тебя увижу, то расплачусь как дитя от великой радости. Я припаду к твоим ногам и буду целовать тебе руки. Тогда ты узнаешь, как я люблю тебя, дражайшая Олейничка.

Я взбиралась на высокую гору и смотрела в ту далекую сторону, но тебя не видно и не слышно.

Дорогая Олейничка, всего несколько слов еще напишу. Как много песчинок в поле и капель воды в море, так много счастливых лет жизни желаю тебе я, Валерция, по случаю Пасхальных праздников. Я желаю тебе всех благ, ста лет жизни, здоровья и счастья. И еще желаю тебе быть красавицей. Поздравляю тебя белыми лилиями и думаю о тебе каждую ночь, дражайшая Олейничка.

Ты уже не живешь в Белице, или как? Ответь, потому что я посылала тебе письмо, но не получила ответа. Некому за тебя написать?

А теперь напишу тебе, как у меня идут дела. Дела идут хорошо, очень хорошо. Я работала на фабрике, а теперь работаю в отеле. Я получаю 18 долларов в месяц (на наши деньги 36), и это очень здорово.

Если хочешь, через какое-то время мы могли бы взять к себе Владзио. Здесь мы каждый день едим то, что дома у нас было только на Пасху. Сейчас мы перевозим к себе Хелену и брата. У меня было 120 долларов, и 90 из них я выслала.

Больше писать нечего, мы только поздравляем тебя от всего сердца, дражайшая Олейничка. А также Олейников с их детьми; еще поздравляем Владислава; и Шасов

с их детишками; и Зволынеков с детьми; еще Гротов с их детьми и Гирлов с их детьми; и всех, кого мы знаем. Мой адрес: Северная Америка [и т.д.]. До свидания. Пока».

Наборы привычек и реакций, социально развившихся под влиянием семьи, общества и церкви, могут стать почти такими же незыблемыми, как и механические приспособления, упоминавшиеся в начале главы. «Народные обычаи» становятся эквивалентными по силе инстинктам и даже вытесняют их. В следующем случае девушка находится в полной изоляции, по существу в критической ситуации, однако сопротивляется искушению, находя опору в своих воспоминаниях.

35. «Это случилось четырнадцать лет назад. Я уже жила тогда в Америке, но еще недолго, и была здоровой и красивой девушкой. Мне было 19 лет.

Я семь месяцев работала в одном месте и зарабатывала гигантские деньги — целых 4 доллара в неделю. Но вскоре наступил экономический спад, и работу я потеряла. Было лето, стояла жара, а я все бегала в поисках работы. Целые дни, изнемогая от усталости, таскалась с места на место, только чтобы вернуться домой вечером целиком вымотанной и без каких-либо перспектив.

В то время я жила у одной вдовы. Она была даже беднее меня, поскольку ей нужно было кормить нескольких детей. Мне приходилось там ночевать, ведь не могла же я жить на улице; но вот питаться я там перестала, потому что ей просто нечего было мне дать, а мне нечем было ей заплатить. Что мне было делать? Я дважды в день “набивала” желудок в кредит, то есть обещала все оплатить, все прошлые завтраки и обеды, сразу, как только найду работу.

Еду я добывала так: шла в бакалейную лавку и ждала, пока все покупатели уйдут, а потом шепотом просила бакалейщика позволить мне взять какую-нибудь старую булку и кусок селедки, обещая, что заплачу за все, когда найду работу. Так и ухитрялась я жить в пору бедствия.

Понятно, что такая жизнь меня не устраивала. Я с ужасом вспоминаю, какие дикие мысли лезли мне в голову, когда я под палящим солнцем носилась по улицам, голодная и с пересохшим от жажды ртом. Голос искушителя нашептывал, что красивой и здоровой девушке вроде меня не нужно ждать честного труда... То, что я не поддавалась искушению, было просто чудом, несмотря на то, что я человек нерелигиозный и в чуда не верю.

Однажды я чуть не утратила контроль над собой... Но память о моих родителях по ту сторону океана, людях очень набожных и уважаемых, — любовь к ним — спасла меня от ложного шага. Было это так. Однажды в теплый день, ближе к вечеру, устав носиться в поисках работы, голодная и мучимая жаждой, я в отчаянии опустила руки и пробормотала самой себе: “Будь что будет, я больше не могу это вынести... Не могу...” И начала искать глазами какого-нибудь молодого человека, чтобы предложить свое тело...

Мое сердце гулко билось в груди, руки и ноги дрожали, а зубы стучали, когда я проходила мимо очередного мужчины, так и не решившись осуществить задуманное. Наконец, мои глаза наткнулись на хорошо одетого молодого человека, и я уже собиралась было его остановить... Но в самый последний момент моим глазам предстали светлые лица моих родителей, и я отшатнулась в ужасе от своего плана. Я подумала, что лучше сдохнуть на улице, чем навлечь позор на моих дорогих родителей. И я пошла домой.

А рассказать я хочу вот о чем. Однажды вечером я пошла, как обычно, в лавку, чтобы в очередной раз добыть себе булку и кусок селедки. Бакалейщик — недружелюбный

и, по крайней мере, не думающий человек – выставил меня из магазина... Голод пропал, и я даже не попыталась пойти в другой магазин. Сгорая от стыда и обиды, я пошла домой. В коридоре я заметила на полу зеленый клочок бумаги. Сердце прямо-таки подпрыгнуло от радости. Я подняла его, еще сомневаясь, действительно ли это деньги, ибо не верилось, что мне может выпасть такая удача... Я внимательно рассмотрела бумажку. Оказалось, что это и в самом деле доллар. Целый доллар! Меня распирало от радости, словно я нашла целое состояние, словно я вмиг стала миллионершей.

Я стала планировать роскошную трапезу, подумала: возьму-ка болонской колбасы и чаю... но сначала, решила я, пойду в кондитерскую, куплю там содовой воды “Лимон и клубника” за три цента. Поднимаясь по лестничным пролетам в свою комнату, чтобы умыться, я услышала ругань матери и рыдания ребенка. Мать била его в наказание за то, что он по дороге в лавку потерял доллар. Бедный мальчишка плакал из последних сил, и у любого бы сердце разорвалось от жалости.

Я больше не колебалась и постучала в дверь на той площадке, откуда доносились звуки. Дверь открыла бледная и истощенная женщина. “Вот ваш доллар, – сказала я, – я нашла его в коридоре”. Женщина выхватила купюру из моей руки, даже не взглянув на меня, только поблагодарила... И я по сей день не знаю, поступила ли она так от горечи или из-за дурных манер.

Я знаю одно: никогда еще мне не было так голодно и так не хотелось пить, как в эту ночь. Купюра так разожгла мой аппетит, что я запросто проглотила бы и эту женщину, и ее мальчишку...

Думаю, надо добавить, что теперь я замужем за человеком, которого очень люблю, у нас трое замечательных детей, и живем мы очень хорошо» (см. прим. 10).

Следующие выдержки отражают жизнь одной американской девочки середины прошлого века. Все сообщество сотрудничает с семьей, чтобы привести ее к норме. Родители ее умерли, но влияния сильны и без них. Она на каждом углу сталкивается с определениями ситуации, которые в данном случае ригидны, но в высшей степени подлинны и эмоциональны. Она не теряет свою личность, потому что это у нее в природе; она такая же живая и остроумная, как ее бабушка. Если бы ситуацию не будоражили, она стала бы в старости такой же, как ее бабушка. Внешний мир, однако, начинает на нее давить. Ситуация уже была определена для нее в терминах «прав женщин».

36. «21 ноября 1852 г. – Сегодня мне исполнилось десять лет; я буду вести дневник и рассказывать, кто я такая и что я делаю. Я живу с Дедушкой и Бабушкой Билзами с семи лет, а сестренка Анна – с четырех. Наши братья, Джеймс и Джон, тоже поселились здесь, но сейчас они в Восточном Блумфилде в академии м-ра Стивена Кларка. Мисс Лора Кларк из Нэпса у них учительница.

Мы с Анной ходим в школу в 11-м квартале. Наш учитель – м-р Джеймс К. Кросс. Некоторые в школе говорят, что он крест и по фамилии, и по природе, но он мне нравится. В награду за то, что я отличилась на занятиях по чтению, он подарил мне книгу. Она называется “Благородные дела американских женщин”.

Пятница. – Бабушка говорит, что мне много за что придется отвечать, потому что Анна относится ко мне с почитанием, пытается во всем мне подражать и считает все, что я говорю, “истиной в последней инстанции”. Как-то раз девочки в школе спорили с ней о чем-то, и она сказала: “Это так, ведь если бы это было не так, Каллина бы так не сказала”. Мне придется «держаться марку», как говорит Дедушка, раз она все время равняется на меня и ходит за мной по пятам.

1 апреля 1853 г. — Каждое утро, перед тем как идти в школу, я прочитываю три главы из Библии. Я читаю три главы каждый день и пять по воскресеньям, так что за год я прочитываю Библию целиком. Сегодня утром я прочла первую, вторую и третью главы Книги Иова. Первая была о том, как Елифаз порицает Иова; вторая — о пользе наказания Божьего; в третьей Иов оправдывает свою жалобу. Затем я выучила текст к школьным занятиям. Без пятнадцати девять я пошла в школу, там прочла наизусть текст, потом мы помолились и перешли к дневным делам. Перед уходом из школы мы продекламировали места из «Науки о вещах известных» и из Словаря, а потом у нас была гимнастика.

Июль. — Хирем Гудрич, живущий у м-ра Майрона Х. Кларка, и Джордж и Уэрт Уилеры бежали в воскресенье из дома в поисках удачи. Когда они не вернулись домой, все испугались и принялись их искать. Они бежали сразу после воскресных занятий, взяв с собой пенсы, которые им дали для пожертвований, и были в бегах несколько дней. В конце концов их нашли в Пальмире. Когда их спросили, почему они убежали, один из них ответил, что, как ему показалось, настало самое время немножко посмотреть на мир. Мы слышали, что у м-ра Кларка был короткий приватный разговор с Хиремом в сарае, у м-ра Уилера с его сыновьями тоже, и мы не думаем, что они еще раз по собственному почину отправятся в странствия. Мисс Апхем живет прямо через улицу от них; она рассказывала маленькому Моррису Бейтсу, что он должен совершить подвиг добрый во имя веры, а он спросил ее, было ли подвигом добрым то, что сделал Уэрт Уилер. Вероятно, после этого ей пришлось делать более ясными свои наставления.

1854, воскресенье. — На это утро м-р Дэггетт задал текст из 22-й главы Откровения, стих 16, “Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя”. Сегодня занятия у нас в воскресной школе вела миссис Джадж Тейлор, и она сказала, что нам нельзя читать наши книжки для воскресных занятий по воскресеньям. Я всегда так делаю. Сегодняшней моей книжкой были “Дешевые трактаты из склепа” Ханны Мор, и мне не показалось, что она совсем нерелигиозная.

Вторник. — Миссис Джадж Тейлор послала за мной, велев мне сегодня к ней зайти. Я не знала, что ей от меня нужно, а когда пришла к ней, она сказала, что хочет помолиться со мной и поговорить на тему религии. Она отвела меня в одно из крыльев своего дома. Я никогда раньше там не была и поначалу испугалась, но когда попривыкла, оказалось, что там очень хорошо. Помолившись, она сказала помолиться и мне, но ничего, кроме: “В это время я ложусь спать”, мне в голову не приходило, и я боялась, что ей это не понравится, а потому не стала говорить ничего. Вернувшись домой, я рассказала обо всем Анне, и она сказала: “Каролина, сдается мне, миссис Тейлор хочет, чтобы ты стала миссионеркой, но я тебя никуда не пушу”. Я сказала ей, что беспокоиться ни о чем не нужно, так как мне все равно придется остаться дома и заботиться о ней. Вечером после школы мы с Эбби Кларк пошли в ее сад, и она научила меня играть в ножички. Это интересно, но довольно опасно. Боюсь, Бабушка не даст мне ножик для этой игры. У Эбби Кларк в саду есть чудесные анютины глазки, она дала мне несколько корешков.

Воскресенье. — Этим утром я совсем забыла, что сегодня воскресенье, и болтала и смеялась, как в будние дни. Бабушка сказала мне перед тем, как идти в церковь, записать этот стих, чтобы его запомнить: “Наблюдай за ногою твоєю, когда идешь в дом Божий, и будь готов более к слушанию, нежели к жертвоприношению”. Теперь

я, несомненно, его запомню. С ногами у меня, во всяком случае, все в порядке, на них новые кожаные туфли; но мне придется следить за своей головой. Сегодня проповедь читает м-р Томас Хауэлл, так как м-р Дэггетт в отъезде. Бабушка уже поднимается по лестнице, чтобы забрать свечу и уложить нас, прежде чем самой отправиться спать. Иногда ночью мы спим так крепко, что совсем ее не слышим, но прошлой ночью мы только притворились, что заснули. Она встала на колени у кровати и вслух помолилась за нас, чтобы мы были хорошими детьми и чтобы Господь дал ей сил направить нас по прямому и узкому пути, ведущему в жизнь вечную. Именно так она и сказала. После того, как она спустилась по лестнице, мы сели в кровати и говорили об этом. Мы поклялись друг другу быть хорошими, скрепили клятву крестным знаменем и “обещали умереть”, если не сдержим слово. Потом Анна стала бояться, что мы умрем, но я сказала ей, что не верю в то, что мы будем такими хорошими, после чего мы поцеловали друг друга и заснули.

Воскресенье. — Сегодня детям проповедовал преподобный м-р Тусли. Он рассказал нам, как много бывает шагов к тому, чтобы стать плохим. Мне кажется, сначала он назвал ложь, потом неповиновение родителям, нарушение субботы, сквернословие, воровство, пьянство. Я не помню, в каком порядке он их называл. Было очень интересно, потому что он рассказывал много историй, и мы много раз пели. Мне думается, что Эдди Тусли был бы ужасно хорошим мальчиком, если бы его отец все время был дома, но, вероятно, ему приходится на какое-то время отлучаться, чтобы читать проповеди другим детям.

20 декабря 1855 г. — В город приехала Сьюзен Б. Энтони, сегодня она выступала в Бемис-Холле. Она специально распорядилась, чтобы послушать ее пришли все девочки из семинарии, а также все женщины и девушки нашего города. Собралось много людей; она говорила очень ясно о наших правах и о том, как мы должны их отстаивать, и сказала, что мир никогда не станет правильным, пока женщины не будут иметь такое же право голоса и участия в управлении, как и мужчины. Она попросила подойти и записаться всех тех, кто обещает сделать все от нас зависящее, чтобы приблизить тот счастливый день, когда равноправие станет законом нашей страны. Многие из нас подошли и подписали бумагу. Когда я рассказала про это Бабушке, она сказала, что Сьюзен Б. Энтони, видимо, забыла слова Святого Павла, что женщины должны хранить молчание. Я сказала ей, что нет, она не забыла, так как говорила в особенности о Святом Павле и о том, что если бы он жил в наше время, а не восемнадцать веков назад, то он бы так же пекся о том, чтобы женщины стояли во главе государства, как и она. Мне не удалось убедить Бабушку согласиться с ней, и она сказала, что лучше бы было нам всем сидеть дома. Этим вечером мы ходили на молитвенное собрание. Там выступала женщина, ее звали миссис Сэндс. Мы поспешили домой и рассказали об этом Бабушке; она сказала, что, должно быть, все было в порядке и мы не смеялись.

21 февраля 1856 г. — Мы прекрасно повеселились на вечеринке у Фанни Гейлорд и великолепно поужинали. Люсилла Филд чуть не умерла со смеху, когда по дороге домой выяснилось, что она весь вечер провела в своих подштанниках. Возвращаясь с вечеринки, мы отлично прогулялись, но ни разу не остановивались, пока не дошли до дома. Кто-то спросил меня, каждый ли танец я танцевала, и я ответила: нет, я задавала каждый танец. Я рассказала все это Бабушке, и она была очень довольна. Кто-то говорил нам, что Бабушка и Дедушка встретились впервые на балу в старом

поселении Канандальгуа. Я спросила ее, так ли это было, и она ответила, что никогда не танцевала с тех пор, как стала истовой христианкой, а произошло это больше пятидесяти лет тому назад.

Май 1856 г. — Накануне вечером нас пригласили на вечеринку к Бесси Сеймур, и Бабушка сказала, что мы можем пойти. Все девочки в школе сказали нам, что собираются надеть платья с глубоким вырезом и короткими рукавами. А у нас на лучших платьях рукава все с фонариками. Мы попытались было их отпороть, чтобы пойти на праздник с оголенными локтями, но ничего из этого не вышло. Праздник, тем не менее, удался. Там было несколько мальчиков из Академии; они приглашали нас потанцевать, но, разумеется, мы этого сделать не могли. Мы прогулялись с ними по комнатам и пошли вместе на ужин. Юджин Стоун и Том Эдди вызвались проводить нас до дома, но Бабушка выслала за нами двух девочек, Бриджет Флинн и Ханну Уайт, и они не смогли этого сделать. Нас это немного расстроило, но, может быть, она не пошлет за нами в следующий раз.

Четверг, 1857 г. — У нас есть четыре спермацетовые свечи в четырех серебряных подсвечниках, и когда мы собираемся компанией, мы их зажигаем. Джонни Томпсон, сын священника, преподобного М.Л.Р.П., пришел в академию учиться, он очень забавный и уже перезнакомился со всеми девчонками. Сегодня днем он сказал нам “зажечь другую свечу”, потому что вечером собирается прийти к нам на свидание. Уилл Шлей услышал, как он это говорит, и сказал, что тоже придет. *Позже.* — Мальчики пришли, и мы приятно провели вечер, но когда пробило девять, мы услышали, как Бабушка заводит часы и перегребают угли в камине, чтобы жар сохранялся до утра; мы поняли этот сигнал, и они пожелали нам спокойной ночи. “Мы не уйдем домой до самого утра”, — эта песня никогда не будет звучать в этом доме.

30 августа 1858 г. — Нам сказали, что когда Боб и Генри Анты были маленькими мальчиками, они подумали, что было бы неплохо попытаться, хотя бы разок, взглянуть, каково это — быть плохими. А потому, несмотря на проповеди м-ра Тусли, они спрятались однажды за сарай, и Боб шепотом сказал: “Я сквернословлю”, — а Генри сказал: “Я тоже”. Потом они с виноватым видом вернулись в дом и были, сдается мне, весьма удивлены тем, что не пали бездыханными, подобно солгавшим Анании и Сапфире.

1860, воскресенье. — Фрэнки Ричардсон попросила меня пойти с ней этим вечером провести занятия в воскресной школе для цветных на Чепел-стрит. Я спросила Бабушку, могу ли я пойти, на что она сказала, что раньше не замечала за мной особого интереса к цветной расе и что, по ее мнению, мне нужны лишь оправдания для того, чтобы вечерком в воскресенье прогуляться. Однако, добавила она, на этот раз я могу пойти. Когда мы уже дошли до Академии, навстречу нам вышел брат м-ра Ноя Т. Кларка, один из тамошних учителей, и Фрэнк сказала мне, что он ведет пение в воскресной школе. Еще она сказала, что познакомит меня с ним, так что он прошелся с нами и проводил нас домой. Бабушка сказала, что, увидев его открывающим мне ворота, поняла мое рвение к миссионерской работе. “Дорогая маленькая леди”, как мы часто ее называем, всегда отличалась тонким чутьем и поразительной проницательностью и с годами несколько их не утратила. Кто-то спросил Анну однажды, сохранила ли Бабушка все свои способности, и Анна ответила: “Да, конечно, в удивительной степени”. Бабушка знает: мы считаем ее сущим ангелом, даже если она порой и кажется довольно строгой. Семь нам лет или семнадцать, мы для нее те же дети, а в Библии сказано: “Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего

требует справедливость”. Мы рады тому, что никогда не покажемся ей старыми. От церкви этим вечером меня проводил домой тот же спутник. У него дом в Нэплсе.

Рождество, 1860 г. — Я спросила у Бабушки, может ли м-р Кларк в воскресенье вечером с нами поужинать, а она сказала, что, боится, он не знает Катехизиса. В пятницу вечером я спросила его об этом, и он сказал, что за субботу его выучит, так что на каждый третий вопрос уж точно ответит. Так он и сделал, притом справился с этим очень хорошо. Думаю, он заслуживает очень хорошего ужина» (см. прим. 11).

Даже в лучшем случае ни одному обществу еще никогда не удавалось удовлетворительным образом регулировать поведение всех своих членов все время. Есть преступления, совершаемые из страсти, алчности, мести, даже в сообществах лицом-к-лицу, где контроль наиболее совершенен. В иудейском кодексе было десять преступлений, наказываемых смертью через побивание камнями. Один из приведенных выше примеров, взятый из русского *мира*, касался конокрадства. Так же и сексуальные страсти никогда не замыкались целиком в рамках брака. Однако сила сообществ была столь велика, что все их члены признавали кодекс и были готовы раскаяться и быть прощенными. Способность прощать, в свою очередь, была одной из функций сообщества и иногда даже функцией Бога данного сообщества. Умиравший греховодник изображался говорящим: «*Dieu me pardonnera. C'est son métier*» (этот анекдот приписывается Рабле). Обычно сообщество желает простить и восстановить своего оступившегося члена. Ему не нужна пробоина в его солидарности и моральном духе. Пока нарушитель хочет прощения и восстановления, кодекс работает. Кодекс выходит из строя только тогда, когда грешник не признает его и ни в чем не раскаивается. Когда преступность и проституция предстают как профессии, они являются последним и самым радикальным выражением утраты семейной и коммунальной организации.

Примечания

1. Цитата приводится по изданию: *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. М., 1937. С. 209 (Томас пользуется каким-то дореволюционным изданием книги; его точные выходные данные не указаны). - *Прим. перев.*

2. Цитата из «Очерков крестьянской общины» приводится по изданию: *Златовратский Н.Н.* Сочинения. Изд. 3-е (доп.). М., 1897. Т. 2: Устой. Роман: В 4 ч. Очерки крестьянской общины (Деревенские будни). С. 310-311 (Томас цитирует другое издание, опять же не указывая его точные выходные данные). - *Прим. перев.*

3. В волостных писарях («A Village Secretary»). С. 283.

4. *Krauss F.S.* Sitte und Brauch der Südslaven. S. 103.

5. Forward. March 10, 1920.

6. Forward. January 22, 1921.

7. Forward. January 12, 1922.

8. Forward. July 9, 1920.

9. Forward. February 6, 1914.

10. Forward. November 26, 1920.

11. *Richards C.C.* Village Life in America. N.Y. P. 21-138, *passim*. Цит. по: *Park R.E., Burgess E.W.* Introduction to the Science of Sociology. P. 305.

Пер. с англ. В.Г. Николаева